

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на годъ (50 №№) . 20 франковъ
» 3 мѣсяца 6 »
» 1 мѣсяцъ (4 №№) 2 »

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Отдѣльные нумера продаются
по 50 сент. въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.
Желающихъ имѣть лично объясненія съ редакціей просить обращаться по тому же адресу.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 50 centimes.

СУББОТА 8 апрѣля 1882
27 марта

По случаю праздниковъ слѣдующій номеръ «Вольнаго Слова» выйдетъ только 15 апрѣля.

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Обаятельность энергій. М. Драгоманова.
— 2) Последнее слово Н. Е. Суханова на судѣ.
— 3) Голоса о положеніи Россіи: I. Изъ письма съ русской границы. II. Мнѣніе извѣстнаго иностранца.
— 4) Къ убійству Стрѣльникова. — 5) Казнь въ Одессѣ и новалъ обязанность выборовъ людей.
— 6) Царь и смерть. — 7) Новые враги абсолютизма и состояніе царя. — 8) Пустая затѣя. — 9) Лошади и ослы Людовика XVI. — 10) Еще воровство. — 11) Арестъ и высылка сербскаго корреспондента изъ Россіи. — 12) За что мучать? — 13) Эмиграція русской мысли и программа дипломатическаго кружка русскихъ государственныхъ людей. (Письмо въ редакцію. I.) Бывшаго дипломата. — 14) Письма о рабочемъ движеніи. XV. — 15) Два общества помощи жертвамъ русскаго правительства. — 16) Извѣстія и замѣтки: Le Révolté и «Священная Дружина». Приключеніе въ Глюнгъ.

Ниже-слѣдующая статья: «Обаятельность энергій», принадлежитъ М. П. Драгоманову. Мы печатаемъ ее какъ передовую, такъ какъ вполне раздѣляемъ основныя ея воззрѣнія.

Редакція „Вольнаго Слова“.

Женева, 8 апрѣля 1882 г.

Читатели «Вольнаго Слова» найдутъ въ настоящемъ № «Последнее слово Н. В. Суханова на судѣ», а также нѣкоторыя данныя для оцѣнки значенія новаго произшедшаго въ Одессѣ политическаго убійства: — военнаго прокурора Стрѣльникова. Какъ это слово, такъ и это убійство заставляютъ сильно призадуматься надъ теперешнимъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи и ближайшимъ ея будущимъ.

О словѣ Суханова уже въ свое время было сообщено, что оно произвело сильное впечатлѣніе на всѣхъ, слышавшихъ его, не исключая и судей. И это понятно. Не пускаясь въ абстракціи и не переходя въ проповѣдь, стоя на почвѣ фактовъ, непосредственно касающихся его личности, не только признавая себя виновнымъ по закону, но даже признавая дѣйствіа, за которыя онъ судился, вполне ненормальными съ точки зрѣнія нравственной, Сухановъ въ то же время показалъ, какъ существующій политическій строй въ Россіи фак-

тически привелъ его на скамью подсудимыхъ и съ полной основательностью предсказалъ судьямъ возможность видѣть на этой скамьѣ ихъ собственныхъ дѣтей. Если бы всѣ, судившіеся въ послѣдніе годы въ Россіи за политическія преступленія, произнесли по рѣчи въ такомъ родѣ, то значеніе существующаго въ Россіи политическаго строя было бы выставлено съ большею яркостью, чѣмъ это можетъ быть сдѣлано тысячами восклицаній, протестовъ, прокламацій и передовыхъ статей революціонныхъ журналовъ, — и поучительность для публики самихъ тѣхъ «революціонныхъ актовъ», по поводу которыхъ происходили въ послѣднее время политическіе процессы, была бы безмѣрно большая, чѣмъ теперь.

Но въ словѣ Суханова есть еще одна сторона, оставленная имъ самимъ въ тѣни, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно важная. Изъ его разсказа о своихъ испытаніяхъ вы видите ясно, что онъ не могъ остаться «вѣрноподаннымъ офицеромъ». Но почему же онъ присталъ къ т. н. партіи террористовъ? Сухановъ сказалъ, что онъ изучалъ социальный вопросъ; въ числѣ явленій, его возмущавшихъ, была и «эксплуатація народа». Но, конечно, Сухановъ не могъ не видѣть, что между убіеніемъ царя и освобожденіемъ чернорабочихъ масса отъ эксплуатаціи — большое разстояніе. Какъ человѣкъ, изучавшій политико-соціальныя вопросы, Сухановъ врядъ ли могъ быть прельщенъ и отрывистыми и противурѣчивыми программами партій, которыя публиковались въ «Землѣ и Волѣ» и «Народной Волѣ». Вообще всякій, кто, не будучи напередъ подкупленъ чувствами товарищества, прочтетъ эти программы и другіе манифесты партій, тотъ, конечно, найдеть политическіе планы ихъ авторовъ для ближайшаго будущаго довольно неясными, а то, что въ нихъ яснѣе обрисовывается, передачу власти въ руки всероссійскаго учредительнаго собранія, сочтеть, конечно, планомъ довольно узкимъ. Видимое отвращеніе авторовъ вышеупомянутыхъ программъ и манифестовъ отъ идей федеральныхъ, или боязни заявить ихъ, а также пробивающіяся сквозь всѣ либеральныя и даже анархическія фразы государственныя тенденціи въ стилѣ французскаго якобинства не даютъ

основанія ожидать, чтобы, если бы какимъ нибудь образомъ правительственная власть «на худой конецъ» попала отъ царя съ его министрами въ руки «исполнительнаго комитета» съ его «агентами», — то чтобы различныя населенія Россіи очень много выиграли отъ этого по части умѣлости правителей, а равно и по части простора личной, общественной и мѣстной свободы. Въ довершеніе, люди, во всякомъ случаѣ, бывалые, въ родѣ Суханова, врядъ ли могутъ и обольщаться надеждами, какъ на возможность социально-демократическаго большинства въ руссійскомъ учредительномъ собраніи, такъ и на возможность превращенія «исполнительнаго комитета р. с. р. партіи» въ «временное правительство» Россійской... право, не знаемъ, какъ сказать, республики или народнической монархіи.

И однако жъ, разочаровавшись во всѣхъ видахъ легальной дѣятельности, Сухановъ присталъ прямо къ т. н. террористической партіи. Что же привлекло его къ этой партіи? — Конечно, ни что другое, какъ ея энергія! Ея дѣятельная борьба съ опротивѣвшимъ Суханову политическимъ строемъ, борьба, хоть поверхностная, такъ сказать, личная, но все же борьба непрестанная, наглядная и осязательная! Мало того: единственная въ Россіи энергическая борьба!

Вотъ что привлекло въ Россіи столь многихъ къ т. н. «терроризму», т. е. къ политическимъ убійствамъ, предпринятымъ сначала чисто рефлексивно или какъ мѣсть, но потомъ возведеннымъ въ систему, за приложеніе которой взялась цѣлая партія. Казни, которыя повели за собою эти убійства, усилили обаяніе этой партіи. Каждый казненный «мученикъ» партіи привлекалъ на замѣтъ себя нѣсколько кандидатовъ. Около именъ мучениковъ создавался цѣлый религіозный культъ, благодаря которому партія вся, всецѣло, съ своими сильными, какъ и слабыми сторонами, покрывалась ореоломъ святости.

На дняхъ мы получили письмо изъ Россіи отъ одного изъ нашихъ друзей, который раздѣляетъ наши теоретическія возраженія противъ доктринъ «партіи Народной Воли», сведенныя между прочимъ, въ XI, XIII и XIV главахъ статей нашихъ «Историческая Польша и Вели-

корусская демократія», но который тѣмъ не менѣе опасается, какъ бы высказываніе этихъ возраженій теперь не послужило во вредъ тѣмъ федеральнымъ стремленіямъ, которыя намъ обоимъ присущи. «Теперь всѣ желаютъ во чтобы то ни стало конституціи и болѣе всего надѣются въ этомъ отношеніи на исполнительный комитетъ; теперь всѣ сочувствуютъ «терроризму», — говоритъ нашъ другъ; всѣхъ *) привлекли герои этой великой борьбы; порицать ихъ — значитъ возстановлять противъ себя всѣхъ. Личности Перовской, Кибальчича, Суханова окружены ореоломъ славы и теперь даже критиковать ихъ не всякій осмѣливается. Одни эти личности покрываютъ блескомъ и ослѣпляютъ всѣ дѣйствія своей партіи. Значеніе ихъ для положенія всей партіи видно, напр., на относительной слабости «чернопередѣльцевъ», у которыхъ нѣтъ имъ подобныхъ».

Это было написано тотчасъ послѣ процесса Суханова. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что казнь его еще болѣе послужитъ къ поднятію обаятельности его имени, а слѣдовательно и силы той партіи, къ которой онъ принадлежалъ.

Сильно должно послужить въ пользу той же партіи и убійство Стрѣльникова, — хотя собственно это убійство можетъ быть понято и оправдано и безъ признанія теоріи терроризма. Стрѣльниковъ, человекъ антипатичнаго и злаго характера, (говоримъ это, между прочимъ, на основаніи показанія лица, знавшаго его еще субалтерн-офицеромъ, до поступленія его въ военно-юридическую академію, по окончаніи курса въ которой Стрѣльниковъ посвятилъ себя военно-прокурорской карьерѣ) отправлялъ свои обязанности съ злостью и грубостію гончей собаки. На его совѣсти лежатъ и такіе дѣла, какъ гибель всей почти семьи Розовскаго, котораго онъ извелъ на висѣлицу за бездѣлицу. Непосредственно передъ своей смертію Стрѣльниковъ произвелъ массу арестовъ по всему югу и въ самой Одессѣ. Его убійце могло руководить столько же и непосредственное личное чувство, сколько и доктрина. Убійство совершено въ моментъ, когда Стрѣльниковъ самъ, такъ сказать, изводилъ свой инквизиторскій курокъ, чтобы стрѣлять въ другихъ, быть можетъ, именно въ убившаго его, или въ его близкихъ. Это не казнь, предписанная трибуналомъ партіи, а самозащита, или самоотверженная защита ближняго отъ убійцы. Такое убійство можетъ и иногда должно произвести и тотъ, кто отвергаетъ въ принципѣ всякія войны и казни, революціонныя, какъ и правительственныя. Иной только, обладающій исключительно высотою натуры, которой не отъ всякаго можно требовать, будетъ имѣть, быть можетъ, на столько силы духа, что не побѣжитъ съ мѣста убійства, а останется на немъ (какъ В. И. Засуличъ), чтобы придать еще болѣе силы своему подвигу.

Но цѣлая масса людей не станетъ пузаться въ подобныя «тонкія» соображенія, а поставитъ убіеніе Стрѣльникова въ рядъ другихъ политическихъ убійствъ, въ «интересахъ партіи», — и, такъ какъ объ этомъ убіеніи почти не можетъ быть двухъ мнѣній у людей, не стоящихъ безусловно на нравственной сторонѣ, то оно несомнѣнно подниметъ кредитъ и «террористической» теоріи вообще, т. е. отождествленія внутренней политической борьбы съ войною внѣшнею, да еще при полной свободѣ отъ всякихъ конвенцій. Между тѣмъ гуманное чувство, которому въ настоящее время противна всякая война, и мысль, развившаяся наблюденіемъ современности и прошлаго разныхъ народовъ до способности возвыситься надъ непосредственными чувствами и интересами лицъ и партій, смотрѣть дальше текущей минуты и понимать явленія общественной жизни въ ихъ совокупности, не можетъ раздѣлять эту теорію и заставляеть съ ужасомъ глядѣть на будущность той страны, въ которой различные элементы, ретроградные, консервативные, какъ и революціонные, столь настойчиво проповѣдуютъ и практикуютъ теорію исключительныхъ мѣръ и военныхъ положеній. Въдѣ въ основѣ своей это теорія или совсѣмъ непосредственного субъективизма, или же іезуитская теорія оправданія средствъ цѣлю, въ концѣ концовъ приводящая тоже къ полному деспотизму личности. Исторія показываетъ, что долговременная проповѣдь и практика этихъ теорій никакую страну до добра приводятъ не можетъ. Примѣръ тому Франція. Тамъ, гораздо раньше казни Людовика Капета (XVI), во время комедіи суда надъ которымъ произнесена была знаменитая фраза: «тирановъ не судятъ, а убиваютъ», подобныя фразы произносили іезуиты, вооружившіе Равальковъ *); тамъ, между казнью Людовика Капета и женой его, осужденныхъ революціоннымъ трибуналомъ, Шарлота Корде казнила по собственному суду «друга народа», Мара; тамъ же потомъ сами революціонныя партіи переказнили другъ у друга всѣхъ наиболѣе искреннихъ людей, послѣ чего безчестные, безцеремонные и утомленные остатки ихъ посадили странѣ на шею Бонапарта I-го, — за которымъ общественная деморализация сдѣлала возможнымъ двадцатилѣтнее правленіе Бонапарта III-го.

Россія предъидущую исторію московскаго и петербургскаго періода еще лучше Франціи приготовлена ко всякаго рода субъективно-деспотическимъ идеямъ и іезуитской морали. Какъ ни коротка здѣсь исторія революціоннаго движенія, а она уже достаточно дала основаній бояться вліянія теоріи «исключительныхъ мѣръ и исключительной нравственности» на самую революціонную среду и для самаго революціоннаго дѣла. Уже въ 1862 г. въ Поволжьи пущенъ былъ подложный манифестъ, возбуждавшій крестьянъ къ

бунту отъ имени царя. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ такой же обманъ былъ попробованъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ кievской губерніи. «Земля и Воля» прославила это дѣло, — но недавно читатели «Вольнаго Слова» могли видѣть свидѣтельство о томъ, какъ глубоко огорчило оно самихъ обманутыхъ крестьянъ, (см. въ № 21 письмо о ссыльныхъ въ Сибири) и могутъ судить о томъ, какъ сильно повредило это приложеніе особой, будто бы революціонной, нравственности революціонерамъ и въ крестьянской средѣ. Нечего и говорить о томъ, какъ такіе факты должны способствовать усилению темноты представленій о политическихъ явленіяхъ и безъ того большой въ крестьянскихъ умахъ. Въ русскихъ революціонныхъ кружкахъ не рѣдки примѣры легкаго обращенія съ правдой въ интересахъ минуты: силошъ и рядомъ мы видимъ противорѣчія въ манифестахъ, обращенныхъ людьми одной и той же партіи къ публикѣ въ Россіи, — и за границей, къ такъ называемому обществу, — и народу, — заявленіе однихъ принциповъ въ теоріи и другихъ на практикѣ. И что же? — Какъ послѣдствіе такой легкости отношенія къ принципамъ, видимъ, между прочимъ, потерю ясности положительнаго политическаго сознанія въ самихъ революціонныхъ кругахъ, — а за тѣмъ неизбежное пониженіе требованій отъ личностей революціонныхъ дѣятелей, тѣмъ объясняется существованіе, на ряду съ лицами высокой энергіи, — преимущественно, впрочемъ, практической, — такого сравнительно большаго процента предателей во всѣхъ русскихъ политическихъ процессахъ послѣдняго времени. А сколько можно поцитировать примѣровъ терпимости, мелочной грызни между революціонными кружками, интригъ, взаимнаго обмана, клеветъ, истребленій и умышленнаго запрятыванія публикацій, изданныхъ не нами и т. д. А развѣ не поучительно, что тотъ же самый Гольденбергъ, который по принципу убилъ харьковскаго губернатора, по принципу же, въ качествѣ «соціалиста-пародника», убивалъ «политиковъ-террористовъ» откровениями передъ Морисъ-Меликовымъ? Что же увидѣли бы мы, если бъ хоть какая нибудь изъ теперешнихъ русскихъ революціонныхъ фракцій дѣйствительно приблизилась къ власти? «Исполнительный комитетъ» представилъ собою только отдаленное подобіе власти, а уже и теперь въ извѣстныхъ кругахъ мы видимъ признаки своего рода придворныхъ правовъ: напр., боязнь противорѣчить ему въ чемъ либо, даже указать ему, для его же пользы, явные его ошибки, — безмолвіе и поддакиванье его централистической государственности со стороны вчерашнихъ федералистовъ и анархистовъ, стремленіе помазаться его славой и т. п., и т. п. Эти же нравы приписываютъ еще болѣе идейную сторону въ русскомъ революціонномъ движеніи, — и, мало того, приближаютъ саму революціонную среду къ средѣ официальной, а слѣдовательно приближаютъ и тотъ политическій строй, основанію котораго русскіе

*) Слово «всѣ» относится, конечно, къ извѣстной средѣ, преимущественно къ молодежи.

*) По исторіи ученія іезуитовъ о политическихъ убійствахъ рекомендуемъ особенно книгу Labitte «De la démocratie pendant la ligne».

революционеры могут способствовать, если не сами основать, к тому строю, который уже существует, подобно тому как это случилось и в якобинской Франции *).

Но при тех условиях, в какие поставлена жизнь образованных людей в России, все эти и другие подобные соображения приходят в голову только при известном усилии над собою, которого не от всех можно и требовать. Когда по краю бѣгают гонимыя доѣзжачими, в родѣ Стрѣльниковыхъ, и когда среди самого разгара ихъ охоты чья нибудь пуля поражаетъ въ затылокъ доѣзжачаго, — то естественно, что все начинаютъ рукоплескать этой пулѣ, боготворить руку, ее пославшую, — и затѣмъ безъ дальнихъ размышлений принимаютъ символъ вѣры той секты, которая поставитъ героя, совершившаго эту казнь, въ число своихъ святыхъ. Въ такіе минуты всякія дальнія размышления, взгляды по сторонамъ, назадъ и впередъ, въ родѣ вышеизложенныхъ, — кажутся огромному большинству недовольныхъ существующимъ строемъ сентиментальностью, непоследовательностью, доктринерствомъ и т. п., и благо еще, если не явными контръ-революционными стремлениями.

Только энергія можетъ konkurrировать съ энергіей!

Только энергическое проявленіе существования другихъ общественныхъ силъ, радикально разорвавшихся съ правительствомъ и, въ тоже время, представляющихъ начала болѣе положительныя, чѣмъ терроризмъ, и болѣе плодотворныя, чѣмъ якобинскій централизмъ, къ которому онѣ служатъ естественнымъ прологомъ или ступенькою, можетъ произвести достаточно сильное впечатлѣніе на общество въ Россіи и подать надежду на болѣе скорый выходъ изъ теперешняго невиннаго положенія и на основаніе политическаго строя, общающаго правильное и неустанное движеніе населенія страны впередъ. Такія силы намѣтились уже въ Россіи между т. наз. ли-

бералами, земцами, разпонаціональными федералистами, общинниками, социалистами, народниками и т. п. Но всемъ имъ недостаетъ энергіи, которая пока видна только у однихъ террористовъ! Если еще нѣкоторое время такое положеніе дѣлъ продлится въ Россіи вмѣстѣ съ существующей правительственной системой, — то горькія десятилѣтія предстоятъ всемъ обитателямъ этой несчастной страны!

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО Н. Е. СУХАНОВА НА СУДѢ.

Гг. сенаторы и сословные представители! Я сознаю всю тяжесть моего преступленія; я сознаю всю безнадежность своего положенія; я сознаю себя виновнымъ въ покушеніяхъ и приговорахъ къ царевнѣ и не пытаюсь въ этомъ оправдываться. Я сознаю участь, которая ждетъ меня, и я не ожидаю, и не могу, и не долженъ ожидать никакой для себя пощады. Всякій, знающій тотъ одинъ фактъ съ вѣрной его стороны, что офицеръ флота, присягнувшій императору, дѣлается виновнымъ въ такихъ преступленіяхъ, всякій, говоря и, скажетъ, что этотъ человѣкъ — человѣкъ безчестный, позавышній и совѣсть, и долгъ. Вотъ я и хотѣлъ вынести передъ вами, господа, поводы, которые привели меня къ тому, чтобы сдѣлаться преступникомъ противъ существующаго порядка и поставить любовь къ родинѣ, свободѣ и народу выше всего остальнаго, выше даже моихъ нравственныхъ обязательствъ...

Я хочу просить васъ снисходительно выслушать мой рассказъ потому именно, что, если останутся прежними все бытовые стороны жизни народа, если не измѣнятся наши порядки, то на этой скамѣ подсудимыхъ будутъ сидѣть, можетъ, и вы, господа, дѣти, — дѣти лицъ обезчещенныхъ, дѣти, получившія самое строгое и нравственное образование.

Начну съ дѣтства. Мой отецъ былъ докторъ, человѣкъ въ высшей степени добрый, помогавшій бѣднымъ не только даровыми лекарствами, но и деньгами. Въ томъ городѣ, гдѣ онъ жилъ, онъ составилъ себѣ на столько хорошую репутацію, что былъ извѣстенъ и любимъ всеми и каждымъ, — и о насъ говорили: «это — дѣти нашего доктора», — словомъ, я получилъ уже съ дѣтства направленіе нравственное. Дальнѣйшія подробности моей жизни я пропускаю; я скажу только, что, когда я былъ въ Морскомъ Училищѣ, и читалъ въ газетахъ и слышалъ о лицахъ, обвиняемыхъ по суду за государственныя преступленія и высылаемыхъ административно въ Сибирь. Я постоянно удивлялся ихъ количеству и желалъ знать причину этого. Я сталъ интересоваться экономическимъ и социальнымъ строемъ общества, читать различные системы и теоріи, часто противорѣчащія другъ другу, и, не найдя въ нихъ отвѣта на мучившіе меня вопросы, я рѣшился оставить политикъ, забыть экономическіе вопросы и углубиться въ область науки, не требующей напряженія нравственныхъ силъ, область чисто объективную — науку матема-

тическихъ. Въ это время я кончилъ курсъ и былъ назначенъ въ сибирскую флотилію, въ г. Владивостокъ. Я купилъ себѣ книгъ по математикѣ, физикѣ и химіи, чтобы на досугѣ заниматься своими любимыми предметами. Во Владивостокъ я поѣхалъ черезъ Сибирь. По дорогѣ, на каждой почти станціи, я видѣлъ такъ называемыхъ политическихъ преступниковъ, которые препровождались въ глубь Сибири. То была пора пробужденія нравственныхъ силъ и хожденія въ народъ. За нами не было ни одного заговора, ни одного убійства; это были люди, воодушевленные одною идею народнаго блага. Я помню удивленіе начальниковъ этаповъ и пересыльных командъ; они говорили мнѣ, что они вовсе не понимаютъ, почему могутъ ссылаться тысячами эти молодые и честныя силы Россіи. Мнѣ часто дѣлалось больно, обидно и тяжело, но я чувствовалъ себя сильнымъ помочь горю, и я рѣшилъ исполнить по приѣздѣ во Владивостокъ свои обязанности честно, и, что, если бы все разсуждали, какъ я, то и это будетъ достаточно. Меня назначили на паровую шхуну, имѣющую совершать рейсы въ Японскомъ морѣ, и на меня возложили обязанность вести хозяйственную часть, не смотря на то, что я отказывался отъ этого. Съ первыхъ же дней я увидѣлъ, что оставаться честнымъ и быть въ ладу съ начальствомъ невозможно. Система хищничества во флотѣ развита въ высшей степени. Командиры судовъ всю разницу денегъ между справочными цѣнами на каменный уголь и дѣйствительными кладутъ себѣ въ карманъ, дѣлая барышами съ русскими консулами за удостовереніе подлинности счетовъ послѣдними, кромѣ того, поставщики угля не мало лишнихъ денегъ получаютъ за фальшивые счета. Лица, которымъ довѣряетъ правительство, такъ позорятъ Россію, такъ позорятъ это правительство! И если бы эти ворованныя деньги шли на что-нибудь порядочное! А то онѣ прокучиваются въ кабакахъ и публичныхъ домахъ заграничныя. Я считалъ своимъ долгомъ не позволять этого. Я помню изумленіе своего командира, частію своихъ товарищей, когда я протестовалъ противъ нагроулки угля на суда безъ моего вѣдома и по фальшивымъ цѣнамъ. На меня кричали, что я подрываю дисциплину и пр. Мнѣ удалось доказать свою правоту; командиръ былъ исключенъ изъ службы по суду, но высочайше прощенъ и оставленъ во флотѣ. Я, кромѣ непріятностей по службѣ, ничего не пріобрѣлъ. Меня стали все чуждаться. Вы знаете, господа, тотъ гнусный, канцелярскій, чиновническій стиль, которымъ пишутся казенныя бумаги и постановленія; онѣ были написаны такъ, что, пробѣжавъ ихъ поверхностно, нельзя было съ перваго раза разувѣдать, кто же укралъ уголь — я, или этотъ командиръ. Мою честную фамилію ставили рядомъ съ воромъ. А моряки, встрѣчаясь съ моею фамиліею, говорили: «да, это Сухановъ, у него какое-то дѣло о кражѣ угля». Меня не принимали уже на суда, и я несъ береговую службу во Владивостокѣ. Въ это время я много занимаюсь математикой и физикой. Черезъ три года, въ 1878 г., я возвратился обратно въ Петербургъ. Я крайне удивился,

*) Мы сомнѣваемся, чтобы теперешніе русскіе революционеры сами могли дать изъ себя Дантоновъ, Робеспьеровъ, а тѣмъ болѣе Талейрановъ, Бонапартовъ и т. д. Но около нихъ очень легко могутъ образоваться другіе круги, которые выступятъ на сцену, когда событія и дѣятельность теперешнихъ революционеров достаточно подкормятъ теперешнее правительство и династію. Уже и теперь даже въ правящихъ кругахъ общества замѣчаются симптомы появленія честолюбцевъ (на это отчасти намекаетъ замѣтка «Русскіе искатели иностранныхъ тропей» въ № 3 «Вольнаго Слова»), недовольныхъ обычной чиновной карьерой, ораторствующихъ и публицирующихъ генераловъ, дипломатовъ, излагающихъ видны и намѣренія своихъ «правительственныхъ кружковъ» и т. п. Со временемъ, при болѣе разложившейся теперешней правительственной машинѣ, всякихъ политиковъ-волонтеровъ станетъ больше, — и въ смутное время они, конечно, скорѣе могутъ занять выдающееся положеніе, чѣмъ неизвѣстные разночинцы теперешнихъ революционныхъ круговъ. Если жизнь не представить изъ преграды въ сколько нибудь прочныхъ учрежденій, — а это возможно только при развитіи мѣстной автономіи, увеличенной представительствомъ общины, — вотъ вамъ и элементъ для всякаго рода комитетовъ спасенія, директорій, консулатовъ, имперій, а, можетъ быть, и Діадимовъ, раздѣлившихъ имперію Александра Македонскаго!